
Пайчадзе С.А.

О некоторых книговедческих исследованиях за Уралом

Комментируя содержание материалов пятитомной коллективной монографии «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», опубликованной книговедами ГПНТБ СО РАН в 2000-2005 гг., автор статьи рассматривает особенности развития книжного дела в огромном регионе за Уралом в неразрывной связи с происходящими в крае экономическими и общественными преобразованиями в ходе обустройства Зауралья русскими людьми, а также социально-экономическим состоянием общества в конкретные исторические периоды. В статье убедительно изложена мысль, что проведенное авторами монографии масштабное изучение книжной культуры сибирско-дальневосточного ареала способствует воссозданию обобщающей картины духовной жизни одной из крупнейших провинций Российского государства. Прослеживается влияние региональных проблем на эволюцию культуры и жизни человека в целом. Книжная культура рассматривается как показатель уровня технологического развития государства, интеллектуального потенциала населения.

В Новосибирске при ГПНТБ СО РАН в конце XX – начале XXI столетий сложилась и продолжает развиваться научная школа изучения истории и современных проблем книжной культуры. Не говоря подробно о тематике и общем числе работ специалистов, защитивших кандидатские диссертации в Ученом Совете Библиотеки (по вопросам истории их свыше 20), отметим, что в области историко-книговедческих исследований в ГПНТБ Новосибирска систематически работают трое докторов наук. В коллективе есть десятки кандидатов наук по библиотековедению, библиографоведению, информатике. Здесь же работают по этим научным

направлениям несколько докторов наук. В небольшой статье нет возможности рассказать даже об основных направлениях НИР представителей нашего учреждения. Следует отметить, что в основе своей они носят региональный характер. Поэтому и посвящена статья главным образом недавно завершённому труду новосибирских книговедов, опубликованному в 2000-2006 гг. – коллективной 5-томной монографии «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», которой нет аналога в мировой практике.

Специалисты, надо полагать, разделяют мнение автора статьи, что исследования в области книжной культуры и книжного дела отражают стремление профессионалов всесторонне изучить объективные обстоятельства, связанные с развитием цивилизации на каждой конкретной территории. При этом нельзя вести речь только о фактографии, а надо думать и о формировании региональной философии книги, что отражает рост значимости регионов и влияния региональных проблем на эволюцию культуры и жизни человека в целом.

В той или иной мере данный процесс – установление закономерностей и особенностей развития книжного дела в крупных национальных, географических и экономических районах, изучение событий, имевших здесь место в прошлом и происходящих в настоящее время, принадлежит к наиболее важным проблемам исследования процессов эволюции мировой культуры. Книжные потоки, избыток или недостаток книг, потребность в печатном слове различных народов в различных регионах мира – все эти весьма сложные проблемы не первый год привлекают внимание специалистов в России и за ее рубежами.

Очевидно, что исследование проблем истории и современной практики регионального книжного дела и книжной культуры в целом есть закономерное следствие развития науки о книге. О возникновении регионального книговедения и о его культурно-исторических аспектах писал в свое время известный ленинградский ученый, доктор исторических наук, профессор А.С. Мыльников. Заметим, что развитие данной ветви науки способствует

более полному раскрытию роли книги в жизни русской провинции и зарубежья. Практически большинство работ представителей новосибирской школы книговедения подтверждают данное обстоятельство.

В первые годы нового века в прессе появилось более 10 рецензий об упомянутой выше коллективной монографии, подготовленной в ГПНТБ СО РАН. Они касались различных аспектов историко-книжных изысканий и принадлежали перу докторов наук Е.Н. Косых, Л.П. Рошевой, А.Ю. Самарина, Ю.Н. Столярова, В.А. Фокеева и других специалистов. Что касается упоминаний и использования материалов «Очерков...» в статьях и крупных научных трудах, то их число трудно определить. Почему это произошло?

Рассмотрение в «Очерках...» исторических событий на территории значительной части Евразии нуждалось в некоторых уточнениях, а также в уточнении понятия «книжная культура», в комментариях к хронологическим и географическим рамкам работы.

Термин «книжная культура» употребляется зачастую как условная дефиниция в силу того, что у специалистов не существует единого мнения в определении терминов «культура» и «книга». Авторы монографии посчитали, что можно использовать приводимое ниже толкование. Было признано, что уровень книжной культуры в принципе обусловлен состоянием книжного дела, которое воплощает динамику взаимодействия произведений (письменных и печатных) с действительным или предполагаемым читателем. Современные исследователи под книжным делом понимают, как правило, систему, в рамках которой происходит создание, распространение и использование книги. В «Очерках...» книга рассматривается как важнейшее средство информации, распространения знаний, научных и политических идей.

По сути, книжная культура является показателем уровня технологического развития государства и свидетельствует об интеллектуальном потенциале населения, в том числе на отдельных территориях его проживания.

Ответственным редактором первого тома монографии и автором отдельных его частей стала кандидат искусствоведения, из-

вестный специалист в области истории сибирской книжной культуры В.Н. Волкова. В первом томе, кроме того, принимали участие доктора и кандидаты наук В.А. Зверев, С.А. Пайчадзе, А.Н. Маслова, И.А. Гузнер, В.А. Эрлих и др.

Хронологические рамки первого тома – это конец XVIII – середина 90-х гг. XIX столетия. Такого рода подход не означал, что регион до этого был краем без книг. Известные работы Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской и других видных специалистов позволяют говорить о достаточно активном использовании русской рукописной, и не только рукописной, книги далеко за Уралом. Однако важнейшей вехой в культурной жизни провинции, качественно новым этапом в истории книжной культуры стало открытие в Тобольске в 1789 г. типографии Корнильевых. Первый том «Очерков...» охватывает события именно с этого времени. Грань между первым и вторым томами на первый взгляд относительно условна – середина 1890-х гг. Тем не менее, именно в эти годы повышается интенсивность эксплуатации Транссибирской магистрали, что активизирует и продвижение книги вглубь империи. Сибирь и Дальний Восток окончательно становятся тыловой базой общероссийского хозяйственного механизма, что позволило России более активно участвовать в жизни Азиатско-Тихоокеанского региона. Все это нашло отражение в развитии предприятий книжного дела и книжной культуры зауральской территории страны.

Авторам первого и во многом последующих томов приходилось констатировать, что при всем динамизме развития издательской практики и книгораспространения в Сибири и на Дальнем Востоке действовали и другие факторы, оказавшие существенное влияние на социальную ситуацию. Крайне низким был уровень грамотности русского населения: в отдельных сельских районах вплоть до 50-х гг., а в городах – включительно до 30-х гг. XX в. Естественно, это не позволяло говорить об активности читателей из всех социальных слоев. Отдельные группы жителей – крестьяне, например, до 1917 г. далеко не всегда положительно относились к распространению грамотности и получению образования. Мало читали тогда женщины, практически не читали представители ко-

ренных народов региона, чей уровень грамотности колебался из-за смены алфавитов, вводимых то на латинизированной, то на русской графической основе. У старообрядцев, составлявших значительную часть жителей края, существовала и существует своя книжность, свое отношение к светским и иным изданиям.

Уровень развития книжной культуры в значительной мере определяется социально-экономическим состоянием общества на данном историческом отрезке времени. Но, рассматривая проблемы книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке, авторы «Очерков...» не считали необходимым напрямую и жестко связывать их лишь с политическими, экономическими, а именно техническими и административным, и иными конкретными предпосылками создания местных центров распространения книжной продукции и издательской системы. Их описание было типичным для некоторых работ по истории книгоиздательской практики и книжной торговли нашей страны.

Сегодня история издания и распространения русской книги в огромном регионе за Уралом предстает как одно из свидетельств освоения востока Евразии славянами и представителями других народов российского суперэтноса. Социальное бытование книги в совокупности с иными факторами ярко и полно отражало сильную и самобытную жизнь на новых русских землях со всеми ее проявлениями – пионерными и бюрократическими, традиционными и революционными, деятельностью православной церкви, трудами земледельцев и военных, ученых и коммерсантов, строителей, промышленников и администраторов.

Анализ событий, имевших место в истории книжной культуры и книжного дела, предоставляет широкие возможности для воссоздания конкретных обстоятельств общественного бытия – без осуждения или реабилитации исторических деяний, но с целью «понять прошлое с помощью настоящего» и «настоящее с помощью прошлого». Изучение истории книги, как известно, позволяет выявить те грани исторического процесса, которые недостаточно полно могут быть представлены с помощью традиционных исследований.

Развитие сибирской и дальневосточной книжной культуры конца XVIII – начала XX в., и вплоть до середины XX столетия, приходилось на одну из фаз подъема русской пассионарности – непреодолимого стремления к деятельности, направленной на осуществление масштабных целей отдельных личностей, этнических коллективов, государственных образований. Подъем общественной жизни России, в промышленном отношении намного отстававшей от европейских стран и США, государства, где грамотным было менее четверти всего населения, позволил заявить о себе уже к концу XIX – началу XX в. как о крупном очаге культуры и науки и занять достойное место в мире по производству книжной продукции.

К концу существования Советского Союза в нем выпускалось почти 2 млрд. экземпляров книг и брошюр ежегодно, издавалось около 14 процентов мировой книжной продукции по числу названий и 20 процентов по тиражам, тогда как население страны составляло лишь 7 процентов от числа жителей планеты.

Авторы «Очерков...» учитывали, что книжная культура была тесно связана с характером государственного развития страны. Преобладающее стремление к централизации политической и интеллектуальной жизни отражалось весьма существенно на процессах издания, распространения и использования книги. Однако достаточно очевидно проявились и географические закономерности развития культуры. В организации книжного дела России имело место взаимодействие тенденций централизации и децентрализации. На протяжении десятилетий в стране росло число издательств, книготорговых предприятий, библиотек. Возникали новые подходы к организации книжного дела, менялся книжный репертуар. Аналогичные изменения происходили и на территории Сибири и Дальнего Востока, причем основной предпосылкой стало обустройство Зауралья русскими людьми.

Во втором томе «Очерков...» (ответственный редактор С. А. Пайчадзе) авторы стремились дать читателям более подробные сведения из области развития книжной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. В этой связи следует сказать о работе с книгой

представителей различных конфессий, особенно в 1895–1917 гг. В частности, можно отметить вклад православных клириков в издание книг для коренного населения региона. Значимой была и деятельность священнослужителей по использованию книги в работе с заключенными. В гораздо меньших масштабах книга использовалась старообрядцами, католиками, мусульманами, иудаистами, что можно объяснить их относительно небольшой численностью.

В дооктябрьский период в Сибири и на Дальнем Востоке в организации книгоиздания и книгораспространения участвовали тысячи энтузиастов, среди которых были деятельные царские администраторы и противники режима, военные и учителя, предприниматели и ученые. Факты говорят о том, что книжное дело в суперрегионе строилось главным образом не только элитой и для нее. Отражая особенности времени, оно развивалось в интересах всего населения и, вместе с тем, олицетворяло прогресс огромного нового русского края.

В контексте исследования весьма интересно высказывание видного ученого, офицера русской армии болгарина С.Н. Ванкова. В своей речи, посвященной 50-летию основания Хабаровска, он отмечал, что «стихийное русско-славянское движение на востоке Азии представляет как бы отраженную волну того могучего потока, который, устремившись с азиатского востока в былые времена на собиравшуюся молодую Русь, ударился и разбился о Русскую землю... Отхлынув назад, этот поток, естественно, должен был увлечь за собой окрепшую Русь ...». С.Н. Банков и его единомышленники считали развитие культуры важнейшим достижением в освоении некогда пустынного и малозаселенного края и видели в культурном строительстве одну из основных задач на будущее.

Изучение русской книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке и сегодня представляет актуальную и широкомасштабную социально-культурную проблему. Книжное дело стало своего рода индикатором интенсивности культурно-исторического процесса в регионе, где сталкивались и сталкиваются жизненные интересы ряда стран и народов. Книга становится орудием и участником диалога культур Восток – Запад, свидетелем процес-

са взаимовлияния и противостояния европейской и азиатской культур, инструментом и доказательством освоения обширных территорий. Ее история говорит об антагонистических противоречиях внутреннего и международного характера, крупных военных и иных событиях эпохи.

Достижения книжной культуры Сибири и Дальнего Востока зачастую были связаны с людьми, известными далеко за пределами зауральских территорий. К числу видных деятелей указанного периода, знавших и активно пропагандировавших книгу и получивших высокую оценку не только своих современников, можно отнести Г. В. Юдина, П. И. Макушина, Н. П. Матвеева-Амурского, Н. С. Романова, иных представителей русского делового мира, о делах которых упоминалось в «Очерках...». Вероятно, круг проблем, подлежащих рассмотрению, мог быть более обширным. В этой связи авторы полагали, что материалы второго тома монографии будут основой дальнейшего всестороннего изучения истории книжного дела в регионе.

В конце рассматриваемого периода становится очевидным тот факт, что в кругу чтения населения все большее место начинают занимать издания, отражающие идеи противоборства с существующим строем. Представляется целесообразным в данном случае привести мнение высланного в 1922 г. из страны видного русского философа Н.А. Бердяева. В своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», написанной в эмиграции, он отмечал: «Русская литература и русская мысль свидетельствуют о том, что в императорской России не было единой целостной культуры, что был разрыв между культурным слоем и народом, что старый режим не имел моральной опоры. Культурных консервативных идей и сил в России не было. Все мечтали о преодолении раскола и разрыва в той или иной форме коллективизма. Все шло к революции».

Масштабное обустройство зауральских территорий продолжалось и в годы советской власти. Книжная культура, как свидетельствует история, оставалась важнейшим элементом не просто государственной жизни, что естественно, но и объектом внима-

ния правительственных структур. Основной рубеж в области эволюции книжной культуры проходил через Октябрь 1917 г. и период гражданской войны. Более 70 лет книга в Сибири и на Дальнем Востоке служила орудием идеологической борьбы, отображала широкомасштабный опыт по усилению государственного начала во всех областях духовной жизни общества.

Прежде чем напомнить читателю об основных этапах истории книжной культуры советского периода, повествованием о которых открывается третий том «Очерков...» (ответственный редактор доктор исторических наук А.Л. Посадсков), следует вспомнить важнейшее (и не только для историков книги) обстоятельство. В 1917-1990 гг. книгоиздание, книгораспространение, само восприятие печатного слова на практике стали полем целенаправленной деятельности новых – советских властей. Новое государство было построено на основах коммунистической идеологии. В этой связи книжное дело закономерно наполнялось соответствующим идейным содержанием, постепенно ставшим стержнем работы с книгой для всех представителей соответствующих государственных и общественных учреждений.

Но самым интересным в данной закономерности, с чем нельзя не согласиться, и что А.Л. Посадсков отметил во «Введении» к третьему тому, было следующее: «...если бы в борьбе двух миров победила противоположная (контрреволюционная) сторона, последствия ее прихода к власти вряд ли сильно отличались бы в области книжной культуры от установок советской общественной системы. Приглядевшись к практике книжного дела белогвардейских структур в Сибири и на Дальнем Востоке, мы без труда обнаружим в их деятельности на ниве книжной культуры те же мотивы и направления: государственное финансирование, управление и регулирование, всемерную идеологизацию содержания работы, вытеснение и фактический запрет на инакомыслие и т. д. – все признаки тоталитарного отношения к культуре, подобие «большевизма навыворот», предстанут перед нами».

После событий 1917 г. в регионе за Уралом возникли значительные проблемы в организации книжного дела. Издательская прак-

тика, репертуар книжной продукции, распространение книг в Дальневосточной республике походили, например, на аналогичную практику других районов бывшей империи. Вместе с тем, несмотря на большие сложности и здесь, в Сибири, имела место библиотечная и библиографическая деятельность.

Шаг вперед по сравнению с недавним прошлым книжная культура региона сумела сделать в 1922-1930 гг. Процесс «трансформации» книжного дела из общественных и частных форм в государственные был главным содержанием данного временного периода. Но этот процесс, как показали материалы, изученные при подготовке третьего тома «Очерков...», не был прямолинейным и непрерывным.

В годы нэпа в стране начала налаживаться экономика, ориентированная на удовлетворение прежде всего индивидуальных запросов человека. Советское государство *de facto* отказалось от книжной монополии и допустило многоукладность в области производства и распространения печатного слова. Многополярность книжного дела в определенной мере обусловила и некоторое идеологическое разнообразие. В эти годы книжный рынок всей зауральской провинции был обустроен в процессе взаимодействия государственных и кооперативных структур, с преобладанием государственного капитала. В таком обустройстве важную роль сыграли паевое товарищество «Сибкрайиздат», пайщиками которого были и государственные структуры, и кооперативы, а также смешанное акционерное общество «Книжное дело». Конечно, их деятельность отражала наличие и взаимодействие тенденций централизации и децентрализации, в различные исторические периоды сопутствующих и зачастую способствующих развитию (эволюции) книжной культуры и издательского дела, что, в частности, автор этих строк отмечал еще в 1971 г.

Работники учреждений культуры в первые годы советской власти верили, что было весьма важно, в необходимость своей практической деятельности для людей. Их вдохновляли успехи страны, явное улучшение жизни. Это отметили и авторы третьего тома «Очерков...». Но важно, что они учитывали не только подоб-

ного рода факторы. В основе свершений в области книжной культуры, и в томе сказано об этом, тогда по-прежнему лежала неизменная глубинная сущность книги, отражающей коллективный разум человечества. Изменившееся российское общество, революция, гражданская война, попытки строительства социализма в русском варианте не отодвинули книгу на окраину духовной жизни государства.

Об этом свидетельствуют и материалы четвертого тома «Очерков...», отразившие события 1930-1962 гг. (ответственный редактор С. А. Пайчадзе.). Этот том, вышедший в 2004 г., был посвящен рассмотрению проблем книжной культуры Сибири и Дальнего Востока в один из наиболее сложных периодов отечественной истории. Именно на эти годы пришлись такие важные события, как ускоренная модернизация страны, сопровождавшаяся массовыми репрессиями, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление народного хозяйства, политическая «оттепель» второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Авторы и редакционная коллегия стремились объективно подойти к этим сложным и во многом небезынтересным для сегодняшнего дня реалиям прошлого, избегать крайностей при оценке событий, использовать все основные научные сведения для воссоздания максимально полной картины развития книжной культуры на территории региона. При этом учитывалось, что названные процессы проходили в условиях многоаспектной эволюции государственной системы.

В этот период в жизни страны имели место события, порожденные парадоксами общественного сознания, которые нашли отражение и в возрастающей роли субъективного фактора, о чем мало говорят книговеды, рассматривающие события тех лет, но все чаще упоминают социологи. Три десятилетия истории, отраженные в четвертом томе монографии, спрессовали десятки важнейших событий, несколько радикальных и еще больше паллиативных реформ в области книжного дела. Каков же главный итог труднейшей, полной драматических коллизий эпохи?

Основной вывод, по-видимому, состоит в утверждении посту-

пательного развития книжной культуры. Кризисные ситуации не могли отменить объективный закон развития общества, ставшего на рельсы экономической и культурной модернизации – все возрастающую потребность в книге, науке, знаниях. Сама же суть перемен заключалась в том, что книжное дело России вошло в эпоху модернизации экономически слабой, неконсолидированной сферой деятельности, а вышло из нее в начале 1960-х гг. индустриальной отраслью, мощным системообразующим механизмом культурного развития под эгидой государства.

Для провинции, в том числе Сибирско-Дальневосточного региона, эта разница была вдвойне показательной. Факт вполне объяснимый, если учитывать почти непрерывное внимание, которое уделяли руководящие структуры в ту эпоху ускоренному развитию восточных районов РСФСР, росту промышленного и аграрного, а с середины 1950-х гг. и научного потенциала сибирско-дальневосточных территорий. На востоке шло мощное наращивание ресурсов книжной культуры, под которыми следует понимать структуры, работающие с книгой, их кадровый корпус, объем и разнообразие предлагаемых читателю услуг книжной сферы, прежде всего – развитие издательской практики, совокупный объем вновь создаваемых запасов в виде библиотечных и книготорговых фондов.

Проблемы, связанные с историей, организацией книгоиздания, в том числе на языках коренных народов региона, рассматривались в материалах тома в указанных выше хронологических рамках. Том содержит 4 большие главы, посвященные книжной культуре Сибири и Дальнего Востока в предвоенное десятилетие (1931 – июнь 1941 г.г.); в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); в период послевоенного восстановления (1946–1953 г.г.); в 1953–1962 гг. Во всех четырех томах имеются справочные материалы, свое «Введение» и «Заключение».

При желании к рассмотренному выше труду сегодня могут быть предъявлены претензии. Досужий критик прежде всего может сказать: «не обо всем написали». Действительно – на то они и «Очерки...». Отдельные темы нуждались и нуждаются в более

подробном изложении. Поэтому в 2006 г., например, вышла из печати монография о судьбе книги в некоторых местах заключения Сибири и Дальнего Востока. Эта работа дала возможность рассматривать книжную культуру в весьма необычном аспекте, а с другой стороны, говорить об истории пенитенциарных учреждений. Заметим, что факты такого рода весьма редко встречаются в работах историков культуры.

В 2006 г. вышел в свет последний – пятый том «Очерков...» (Б. С. Елепов, А. Л. Посадков). Он охватывает последнюю четверть века истории существования советского общества.

Проведенный авторами анализ книговедческой и иной литературы, использованной в томе, дает возможность говорить о стремлении ряда специалистов к осмыслению процессов эволюции книжной культуры на протяжении десятилетий, хронологически примыкающих к событиям современности. Опираясь на мысли и обобщения предшественников, авторский коллектив в заключительном томе стремился воссоздать недостающие звенья истории прошедших событий, приблизившись к пониманию их сути и осмыслению достигнутых результатов. При анализе ситуации авторы по-прежнему исходили из понимания того, что культурное пространство России неделимо, хотя макрорегион Сибирь и Дальний Восток занимает в нем особое место.

Не стремясь подчеркивать свои симпатии или антипатии, авторы в трех главах осветили события, известные едва ли не большинству читателей – их современников. Это повествование о практике предприятий системы книжного дела в 1963-1971, 1971-1985 и 1985-1991 гг. Как ни странно, значительную сложность при подготовке материалов испытывали специалисты, которые писали об истории библиотечного дела и библиографии.

В прессе пока нет рецензий на пятый том «Очерков...». Представляется, однако, что в нем излишне много уделено внимания «самиздату». Будущие критики могут сказать, что подобное явление не занимало столь значимых позиций в книжной культуре нашего Отечества. Конечно, российский самиздат ведет свою историю чуть ли не со времен А.Н. Радищева или Н.И. Новикова.

Имела место информация о подобном явлении и на страницах четвертого тома. И понять желающих активно писать о самиздате можно: какие времена, такие и песни. Важно другое, где сейчас, в какой стороне эти активисты-самиздатчики, их сторонники и пропагандисты. Что доброго сегодня они делают для Российской Федерации? Критика существовавшего строя и рецепты жизни по либеральным образцам, когда-то помещенные на печатных страницах, возможно, привели российское государство к тому, что мы имеем сегодня. Сущестующая теперь ситуация далеко не всегда может оцениваться со знаком плюс, что находит свое отражение и в многочисленных современных изданиях.

Историки-книговеды вот уже 15 лет живут вместе со всеми в иной реальности. Но чем дальше отстоят по времени от нас «досоветская» и «советская» эпохи, тем очевиднее становится вклад русской и советской книжной культуры в мировую цивилизацию.

Автор этих строк вовсе не считает необходимым (как лицо заинтересованное) создание в каждой республике, крае, области Российской Федерации или стран СНГ труда, аналогичного «Очеркам...». Это проблемы регионального характера. Но для Сибири и Дальнего Востока дальнейшее развитие книговедческих изысканий и изданий, и прежде всего для ГПНТБ СО РАН, вполне реально. Сегодня можно констатировать, что масштабное изучение книжной культуры сибирско-дальневосточного ареала имеет не только специальное книговедческое значение. Материалы исследования могут стать полезными и для разрешения другой актуальной проблемы, а именно – воссоздания обобщающей картины духовной жизни крупнейшей провинции Российского государства.

В последние несколько лет лабораторией книговедения ГПНТБ СО РАН руководит доктор исторических наук А.Л. Посадсков. Опыт его деятельности включает в практику научно-исследовательскую работу с аспирантами, редакторскую, а теперь естественно, и научно-организационную работу. Справочные издания отмечают знание А.Л. Посадсковым таких проблем, как книжное дело в условиях формирования советского общественного строя

(1917-1941 гг.), возможность использования его трудов в области русской (советской) истории, истории культуры, истории книги нашей страны. В данном случае хотелось бы отметить монографию, написанную А.Л. Посадсковым совместно с Л.А. Гильди «Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919-1921 гг.», где речь идет не только собственно о книге и печати, как явлениях времени, но и справедливо утверждается, что изобретение печатного станка в истории мировой культуры можно сравнить с технологической революцией¹.

Другим видным новосибирским книговедом является бывший полковник, в прошлом кадровый служащий местного Военного института Министерства обороны России, а в настоящем – главный научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, доктор исторических наук, профессор С.Н. Лютов. Он в свое время завершил кандидатскую диссертацию в аспирантуре библиотеки, позднее защитил в Москве докторскую диссертацию по книговедению, а теперь и сам руководит изучением историко-книговедческих проблем. Им исследуются основные тенденции национального военного книгоиздания и книгораспространения, а также деятельность военных библиотек и круг чтения различных категорий военнослужащих, в т.ч. в региональном аспекте. В качестве примера можно назвать достаточно известную в определенных кругах книгу С.Н. Лютова «Военная книга в России (вторая половина XIX – начало XX века)», опубликованную в столице Сибири в начале нашего столетия².

Увидевшие свет монографии С.Н. Лютова – не единственные в числе книговедческих публикаций офицеров, имеющих ученые степени. К числу изданий, освещающих проблему «Армия и книга», над которой в Новосибирске масштабно работают с середины 90-х годов прошлого века, можно отнести, например, и монографию полковника МВД, преподавателя новосибирского вуза

¹ Посадсков А.Л., Гильди Л.А. Печать и книжное дело в условиях «военного коммунизма». – Новосибирск, 1987. – С. 3

² Лютов С.Н. Военная книга в России (вторая половина XIX – начало XX века). – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. – 204 с.

соответствующего министерства кандидата исторических наук Б.В. Федотова. Называется эта монография «Книга в локальном конфликте. Северный Кавказ: конец XX – начало XXI века». Название работы говорит само за себя. До того как защитить диссертацию, Б.В. Федотов трижды побывал в Чечне, где наряду с выполнением служебных обязанностей выполнял и научную работу. В его монографии использованы интересные материалы, в т.ч. материалы социологических исследований. Особый интерес представляет психологический портрет военного читателя, показанный не только на основе этих исследований, но и в конкретной, вовсе не мирных дней обстановке. Книга Б.В. Федотова готовилась совместно ГПНТБ СО РАН и Новосибирским институтом внутренних войск России. Напечатана институтом МВД в 2006 г.

В этом же году была напечатана «Книга в местах лишения свободы» двух авторов – Пайчадзе С.А. и Потапова М.Г. Монографию напечатал Новосибирский государственный технический университет. Один из двух авторов, кандидат юридических наук М.Г. Потапов, заведует кафедрой юридических дисциплин НГТУ. За три месяца до защиты юридической степени он защитил диссертацию по книговедению. Еще не столь давно М.Г. Потапов (до увлечения историей книги) был подполковником конвойных войск, а потом чиновником новосибирской мэрии. Названная работа посвящена одному из наименее изученных вопросов истории книжной культуры России. В ней приводятся сведения о выпуске, распространении и использовании произведений печати в местах заключения Сибири и в БАМлаге в 20-х – 30-х годах прошлого столетия.

В 2007 году практика обращения новосибирских авторов-книговедов, их последователей и учеников к актуальным, иной раз необычным проблемам, сохранится. В качестве примера можно в данном случае привести запланированное издание монографии заместителя декана факультета истории мировых культур и теологии ОмГУ В.Л. Данилова (Омск), посвященной выпуску и распространению мусульманской книги в Сибири в конце XX – начале XXI веков. Другим примером в этом же роде можно назвать мо-

нографию дальневосточного автора – директора областной библиотеки из Биробиджана О.П. Журавлевой. Ее работа, посвященная истории книги на территории Еврейского автономного округа (ЕАО), будет выпущена в IV квартале в Биробиджане. Обе эти монографии будут изданы под редакцией автора этих строк.

ГПНТБ СО РАН планирует напечатать монографию С.Н. Лютова и А.М. Панченко «Военные библиотеки России (XIX – начало XX в.в.)» и сборник «Антология истории русской военной книги» (составитель С.Н. Лютов). Выйдут в свет и иные работы книгovedов.

Этот же – 2007 год приносит свидетельства продолжающихся деловых и разносторонних контактов книгovedов ГПНТБ СО РАН со специалистами из других ведомств. В частности Региональное отделение Морского собрания России печатает в типографии Водной академии сборник. В этом же сборнике принимают участие со своими работами несколько научных сотрудников и соискателей ученых степеней из ГПНТБ СО РАН. Печатаются, в частности, и тезисы доклада автора данной статьи «Флот и книга».

Информация о деятельности ГПНТБ СО РАН будет неполной без упоминания о книгovedческих «Макушинских чтениях» – интересной научной конференции, которая второй десяток лет традиционно и с известной периодичностью организуется в различных городах Сибири и Дальнего Востока. Весьма расширится это повествование, если включить в него краткие сведения хотя бы о монографиях и сборниках книгovedческого характера, напечатанных во многих городах макрорегиона – Кемерово, Магадане, Улан-Удэ, Хабаровске, Якутске и целом ряде других. Увы, объем статьи не позволяет автору этого сделать...

Единственное, остается надеяться, что рано или поздно изучение практики региональных книгovedческих исследований будет продолжено. В пользу осуществления подобной надежды говорит прежде всего социальная роль книги, значение книги, в том числе электронной, в масштабных свершениях на территориях регионов.